

УДК 327(73;510)“2001/2005”

Политика США в отношении Китая в период первого президентства Дж. Буша-мл.

Косов А.П.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

В статье рассматривается эволюция внешней политики США в отношении Китая в период первого президентства Дж. Буша-мл. Анализируются основные факторы и причины относительной успешности китайского вектора внешней политики Соединенных Штатов Америки в 2001–2005 гг. Особое внимание обращается на основные движущие силы внешнеполитического курса Вашингтона, в частности на внутривнутриполитическую борьбу в американском истеблишменте по «китайской проблеме». В первую очередь освещаются подходы американской администрации и Конгресса к Китаю. В статье характеризуются политическая и военно-политическая составляющие стратегического курса Вашингтона в отношении КНР, рассмотрено торгово-экономическое взаимодействие, а также существующие проблемы между двумя государствами. Подчеркивается, что внешняя политика Соединенных Штатов в 2001–2005 гг. довольно эффективно сочетала в себе элементы вовлечения Китая в мировые дела и одновременно его сдерживания в военно-политической сфере. Делается вывод об относительной успешности внешней политики США на китайском направлении в рассматриваемый период.

Ключевые слова: США, Китай, Тайвань, Буш, Конгресс, внешняя политика, американо-китайские отношения, торгово-экономическое сотрудничество, терроризм, соперничество, права человека.

(Ученые записки. – 2014. – Том 17. – С. 64–78)

The U.S. Policy towards China during the First George W. Bush Presidency

Kosov A.P.

Educational establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article considers evolution of foreign policy of the USA towards China during the first George W. Bush presidency. The major factors and reasons of relative success the Chinese vector in the U.S. foreign policy in 2001–2005 are analyzed. Special attention is focused on basic motive forces of Washington foreign policy, especially, on internal political fight in the American establishment on “the Chinese problem”. First of all approaches of the U.S. administration and the Congress to China are presented. Political and military-political components of the strategic course of Washington concerning the People’s Republic of China are characterized, trade and economic interaction, as well as existing problems between the two states, is considered. It is emphasized that the foreign policy of the United States in 2001–2005 quite effectively combined elements of involvement of China in world affairs and at the same time its control in the military-political sphere. Conclusion is made about relative success of foreign policy of the USA on the Chinese direction during the considered period.

Key words: the USA, China, Taiwan, Bush, Congress, foreign policy, U.S.-Chinese relations, trade and economic cooperation, terrorism, rivalry, human rights.

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 17. – P. 64–78)

В XXI век США вступили на пике своего могущества. После окончания «холодной войны» они оказались на вершине своего роста, опередив другие страны мира по всем совокупным параметрам развития. Оставшись единственной сверхдержавой, Америка заняла ведущие позиции в современной системе международных отношений. Осознавая свое могущество и преследуя глобальные политичес-

кие интересы, Вашингтон пытался закрепить в роли доминантного игрока во всех регионах планеты, что вызвало неприятие со стороны ведущих государств мира, в том числе и поднимающегося Китая. Поэтому представляется целесообразным охарактеризовать политику Соединенных Штатов в отношении КНР в период первого президентства Дж. Буша-мл.

Адрес для корреспонденции: e-mail: alekos1979@mail.ru – А.П. Косов

Тема американо-китайских отношений рассматриваемого периода получила довольно полное освещение в мировой историографии. В первую очередь к ней обратились американские исследователи – Дж. Айкенберри, Ф. Бергстен, Зб. Бжезинский, Г. Киссинджер, К. Либерталь, Д. Лэмpton, Т. Кристенсен, К. Менгес, У. Оверхолт, Н. Фергюсон, А. Фридберг, Д. Шамбо и др.

В китайской историографии американо-китайские отношения в XXI в. проанализированы в работах Ван Сюедуна, Ван Цзисы, Гуй Юнтао, Лю Миньфу, Лю Фуго, Пань Жуя, Сун Сяоцзюня, Сунь Чжиция, У Цяна, Фу Мэнцзы, Хо Цзюня, Цзянь Цзюньбо, Чжу Фэна, Юань Пэн и др.

В российской историографии различным аспектам американо-китайских отношений в период президентства Дж. Буша-мл. посвящены исследования Л.Г. Арешидзе, К.Н. Брутенца, А.С. Давыдова, Г.В. Зиновьева, Н.Н. Котлярова, Я.В. Лексютиной, В.В. Михеева, О.А. Тимофеева, С.М. Труша и др. К сожалению, в белорусской историографии работ по данной проблематике практически нет. Исключение составляет лишь диссертационное исследование С.М. Витковского. Поэтому представляется весьма актуальным и своевременным в какой-то мере восполнить данный пробел.

Цель данной статьи заключается в раскрытии сущности внешней политики США на китайском направлении в период первого президентства Дж. Буша-мл. на основе выявления ее ведущих тенденций и особенностей. Для этого необходимо проследить борьбу мнений и оценок американского истеблишмента по вопросу отношений с Пекином, охарактеризовать ключевые аспекты внешней политики Вашингтона в отношении Китая, выявить факторы, содействовавшие сближению Вашингтона с Пекином и улучшению двусторонних отношений, определить факторы, влияющие на ужесточение позиций Соединенных Штатов по отношению к КНР и обострение соперничества двух держав в мире, обратить внимание на основные события в американо-китайских отношениях.

Материал и методы. Данная статья основывается на материалах, почерпнутых из исследований российских и американских авторов. Было изучено большое количество информации, содержащееся в проанализированных источниках, а также различные авторские концепции и подходы к рассматриваемой проблеме, представленные в мировой исто-

риографии. В частности, монографии известных американских (Г. Киссинджер, Д. Лэмpton, Зб. Бжезинский, К. Менгес, П. Хеллер) и российских (Я.В. Лексютина, М.И. Крупянко, О.А. Тимофеев, К.Н. Брутенц, С.М. Труш) авторов. Кроме того, важная информация была почерпнута из известных периодических изданий – «Washington Quarterly» (2001), «Foreign Affairs» (2000, 2005), «Политэкс» (2009). Для написания статьи использовались как общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, обобщение), так и специально-исторические методы исследования (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический), а также нарративный метод и метод системного анализа, которые позволили раскрыть сущность политики США в отношении Китая в рассматриваемый период.

Результаты и их обсуждение.

Первые шаги администрации Дж. Буша-мл. на китайском направлении

Победа в 2000 г. Дж. Буша-мл. на президентских выборах открыла новый этап в истории американо-китайских отношений. В повестке дня перед новой администрацией стояли обозначенные в 1990-е гг. актуальные проблемы взаимоотношений США и КНР. В первую очередь, это – тайваньская проблема; проблема Тибета; вопросы торгово-экономического и финансового взаимодействия; проблема соблюдения прав человека в КНР и т.д. Однако администрация Буша-мл. решила по-новому подойти к их решению, нежели команда Клинтона. Кроме того, появились такие новые проблемы, как начавшееся возвышение Китая и ответные действия Америки, ведущие к нарастанию противоречий между ними в мире; односторонний выход США из Договора по ПРО и планы создания американской ПРО ТВД, которые в КНР расценивались как антикитайская политика.

Как известно, в ходе предвыборной кампании республиканцы критиковали политику администрации Клинтона на китайском направлении и, придя к власти, намеревались проводить в отношении КНР довольно жесткий курс, обусловленный недовольством действиями пекинских властей по целому ряду актуальных международных проблем, а также внутривнутриполитическим положением в Китае. По мнению внешнеполитического советника Дж. Буша-мл. К. Райс, Китай стремился изменить баланс сил в Азии в свою пользу, что делало его стратегическим соперником Соединенных Штатов [1, р. 56]. Поэтому в пер-

вые месяцы президентства Дж. Буша-мл. китайская политика Вашингтона характеризовалась достаточно жесткой риторикой со стороны республиканской администрации в адрес Пекина. Правда, периодически звучали заявления американских официальных лиц о намерении продолжать стратегический диалог с Китаем, начатый в 1990-е гг. Это объяснялось отсутствием единства во взглядах среди американского руководства относительно китайской политики Соединенных Штатов. Так, вице-президент Р. Чейни и министр обороны Д. Рамсфельд выступали за более жесткий подход к Пекину в рамках политики сдерживания, предполагавшей расширение американского военного присутствия в АТР, увеличение помощи Тайваню, укрепление военно-политических связей со странами региона и т.д. Д. Рамсфельд был раздражен политикой КНР в области распространения ОМУ и жесткостью пекинских властей в тайваньском вопросе.

Сторонником жесткого подхода в администрации Буша-мл. был известный специалист по Восточной Азии, заместитель госсекретаря Р. Армитидж. Он придерживался жесткой позиции в отношении КНР. Еще в сентябре 2000 г. он назвал Восточную Азию ключевым регионом с точки зрения интересов доминирования Америки в мире, поэтому Вашингтону необходимо здесь минимизировать любые риски и угрозы. При этом наиболее опасным для американских интересов в регионе Р. Армитидж считал быстрый экономический и военный рост Китая [2, с. 65]. Подобной точки зрения придерживался и заместитель министра обороны, один из лидеров неоконсерваторов П. Вулфовиц.

Наряду со сторонниками жесткого подхода в руководстве США было немало сторонников сближения с КНР, которые рассматривали тесные американо-китайские отношения в качестве более предпочтительных для долгосрочных интересов страны, нежели конфронтация с Китаем.

Госсекретарь К. Пауэлл, несмотря на поддержку отдельных положений Чейни–Рамсфельда, считал, что Соединенным Штатам следует постараться снизить уровень недоверия между державами. Примером может служить выступление генерала К. Пауэлла 17 января 2001 г. на слушаниях по его утверждению на должность госсекретаря в сенатском комитете по иностранным делам, в котором он заявил о том, что Китай не является стратегическим партнером для Америки, но при этом не является и неизбежным и непри-

миримым противником. По словам генерала, с одной стороны, Китай – это конкурент и потенциальный соперник в АТР, а с другой – торговый партнер, согласный сотрудничать по всем взаимовыгодным направлениям. Поэтому задача США – развивать американо-китайское сотрудничество. Считается, что в своей речи К. Пауэлл обозначил философию развития сотрудничества Соединенных Штатов с КНР на ближайшее время – «шаг вперед и два назад», т.е. развивать стратегическое сотрудничество с Китаем через элементы его сдерживания [2, с. 210].

Среди сторонников стратегии вовлечения Китая в коллективное сотрудничество в АТР можно назвать командующего 7-м флотом США адмирала Д. Блэра. По его мнению, включение КНР в систему «коллективной безопасности» в Восточной Азии, в которой Пекин играл бы важную роль, но оставался бы под американским контролем, было весьма выгодно для Вашингтона [3].

Выразителем прагматичных взглядов в администрации Дж. Буша-мл. был помощник госсекретаря по делам Восточной Азии и Тихого океана Дж. Келли [2, с. 66]. В 2001–2005 гг. он осуществлял регулярные неофициальные консультации с Пекином по важным для Вашингтона вопросам использования энергетической и продовольственной политики в рамках деятельности координационного Совета по сотрудничеству в АТР. Зачастую его деятельность была эффективнее официальных переговоров [2, с. 88].

Большое влияние на президента Дж. Буша-мл. в вопросах китайской политики Вашингтона оказывал его отец – экс-президент Дж. Буш-ст. В первые годы работы сына на посту президента он много сделал для формирования эффективной политики в отношении КНР [2, с. 66].

В марте 2001 г. в Вашингтоне состоялась первая встреча Дж. Буша-мл. с представителем пекинского руководства – вице-премьером Госсовета КНР Цянь Циченем. Она обозначила существенные расхождения между двумя государствами по целому ряду вопросов. Несмотря на то что в ходе переговоров китайского представителя с президентом Дж. Бушем-мл. и госсекретарем К. Пауэллом было продемонстрировано стремление к поступательному развитию двусторонних отношений, выявилась неспособность сторон устранить разногласия по ключевым вопросам – проблеме прав человека, Тайваню и ПРО [4, с. 200].

Жесткий подход к Китаю проявился и в активной работе американских представителей в Женеве над резолюцией Комиссии ООН по правам человека, осуждающей КНР, а также яростные протесты против ареста в КНР двух американских профессоров китайского происхождения.

Весной 2001 г. в сенатских комиссиях прозвучали довольно жесткие заявления госсекретаря К. Пауэлла и директора ЦРУ Дж. Тенета о том, что именно КНР представляет наиболее серьезную угрозу интересам Соединенных Штатов, являясь ключевым фактором в нарушении режима нераспространения ОМУ и возможным источником дестабилизации в Восточной Азии. Антикитайские выпады представителей администрации были подкреплены и призывом американских конгрессменов к Международному олимпийскому комитету отклонить заявку КНР на проведение летней Олимпиады в Пекине в 2008 г. [4, с. 200].

Показателем жесткого подхода республиканской администрации стала американская позиция во время «воздушного инцидента» вблизи острова Хайнань 1 апреля 2001 г., когда в результате столкновения американского разведывательного самолета EP-3 с китайским истребителем произошла гибель китайского летчика, а американский самолет был вынужден приземлиться на острове [5, р. 299–300]. Этот инцидент стал самым серьезным между Вашингтоном и Пекином с момента бомбардировки авиацией США посольства КНР в Белграде весной 1999 г. Стороны обвинили друг друга в происшедшем. В итоге разразился громкий дипломатический скандал. Китайское руководство заявило, что американцы в мирное время осуществляли разведку над экономической зоной КНР, нарушая тем самым основные принципы международного права. В свою очередь, Белый дом указал на то, что самолет осуществлял полет в международном воздушном пространстве над Южно-Китайским морем, где Соединенные Штаты имеют полное право осуществлять любые полеты, в том числе и разведывательного характера.

Как бы то ни было, но экипаж американского самолета из 24 человек был задержан китайскими властями на одиннадцать дней, что вызвало резкое недовольство Вашингтона. И только получив официальное извинение госдепартамента США с выражением сожаления о происшедшем, китайская сторона позволила экипажу самолета отбыть на родину [6, с. 157].

Одним из последствий «воздушного инцидента» стало решение министра обороны Д. Рамсфельда о приостановке военных контактов с КНР. Кроме того, глава Пентагона несколько раз предлагал использовать метод «дипломатии канонерок», т.е. демонстрацию военной силы у берегов КНР [2, с. 214]. Дж. Бушу-мл. пришлось даже «усмирять» пыл «ястребов» в своем окружении, которые настаивали на принятии жестких мер по отношению к Китаю [2, с. 212]. По этой причине неоконсерваторы (Р. Каган, У. Кристол и др.) даже обвинили президента в том, что он привел США к «национальному унижению» и продемонстрировал на китайском направлении политику «слабости и страха» [6, с. 157].

Находясь под влиянием неоконсерваторов, администрация Дж. Буша-мл. попыталась отказаться от уже ставшей для Вашингтона традиционной политики «стратегической неопределенности» в пользу более однозначной поддержки Тайбэя. В частности, 24 апреля Вашингтоном после длительного периода отказа по причине их наступательного характера была одобрена поставка крупной партии вооружений Тайваню (на сумму порядка 5 млрд долл.) [7, с. 95]. Вашингтон намеревался продать Тайбэю несколько эсминцев, подводных лодок, вертолетов, противокорабельные ракеты, торпеды и другое оружие.

Свидетельством жесткой линии стало заявление 25 апреля 2001 г. Дж. Буша-мл. о том, что Америка будет всеми доступными средствами препятствовать попыткам Пекина по овладению Тайванем. Следует отметить, что с момента разрыва в конце 1970-х гг. Договора о взаимной обороне между США и Тайванем ни один американский президент не делал такого громкого заявления в поддержку защиты Тайваня. Несмотря на поспешные заявления представителей Белого дома и госдепартамента о том, что высказывания Дж. Буша-мл. не означают какого-либо изменения американской политики в отношении тайваньской проблемы, в Пекине усилились подозрения относительно желаний республиканской администрации сблизиться с Тайбэем [8, с. 199–200]. Тем более, Вашингтон давал и иные поводы Пекину думать о том, что американские власти сознательно избрали путь на обострение двусторонних отношений. Так, в начале мая президент Дж. Буш-мл. распорядился пересмотреть имевшиеся межправительственные программы американо-китайского сотрудничества. А в конце мая

американский президент встретился с Далай-ламой, что пекинские власти расценили как вмешательство во внутренние дела Китая [9, р. 118]. Это был довольно смелый шаг Дж. Буша-мл., поскольку Б. Клинтон за все свои восемь лет президентства избегал столь откровенных антикитайских действий и официально не приглашал Далай-ламу в Белый дом, поручая встречи с буддистским лидером рядовым сотрудникам своей администрации [2, с. 214].

В рамках жесткой линии Вашингтона были разрешены визиты тайваньских высокопоставленных должностных лиц в Америку, в том числе транзитные остановки президента Тайваня Чэнь Шуйбяня по пути в Латинскую Америку. В результате, 21–23 мая и 2–3 июня 2001 г. состоялись его встречи с американскими конгрессменами и мэром Нью-Йорка Р. Джулиани [9, р. 117]. По этой причине Дж. Буша-мл. даже стали называть самым протайваньским президентом США со времен Р. Никсона [8, с. 197–198]. Такие действия президента страны вызвали одобрение у многих граждан США. Согласно опросам общественного мнения 46% американцев поддерживали его линию. Правда, 34% при этом заявили, что Дж. Буш-мл. слишком мягок в своей китайской политике [10, р. 385].

Таким образом, в первые месяцы президентства Дж. Буша-мл. идеологические установки неоконсерваторов взяли верх над прагматической линией во внешней политике США, что отразилось на охлаждении американо-китайских отношений.

Однако, несмотря на жесткую риторику и откровенно недружественные шаги Вашингтона в отношении Китая, объективные факторы все же заставили американское руководство несколько смягчить свою позицию. Главной причиной стала экономическая взаимозависимость, к началу XXI в. уже достаточно крепко связавшая США и КНР торгово-экономическими отношениями. Еще в разгар «самолетного» кризиса 5 апреля 2001 г. Дж. Буш-мл. в своем выступлении в Американском обществе редакторов газет отметил, что сферой плодотворного сотрудничества США и КНР может быть экономика [7, с. 95].

Неудивительно, что 1 июня 2001 г. Дж. Буш-мл., осознавая выгоды американо-китайского торгово-экономического сотрудничества, обратился к Конгрессу с предложением продлить КНР режим наибольшего благоприятствования в торговле [8, с. 201]. В итоге 19 июля Конгресс одобрил это решение

[6, с. 159]. Торгово-экономические интересы США и КНР стали настолько тесно связаны друг с другом, что Вашингтон оказался не способен на стратегию сдерживания в отношении Китая, подобную той, которую он проводил против СССР в период «холодной войны».

Исходя из объективной заинтересованности США в Китае, в июне 2001 г. советник президента по национальной безопасности К. Райс сделала заявление о том, что Вашингтон будет стремиться к установлению конструктивных отношений с Пекином [7, с. 96]. Изменение позиции Соединенных Штатов нашло свое подтверждение и в дальнейших шагах американского руководства. В июле 2001 г. США не стали возражать в МОК против кандидатуры Пекина в качестве места проведения летней Олимпиады-2008, к чему ранее призывали отдельные американские политики. Тогда же в целях снятия напряженности в американо-китайских отношениях Вашингтон пошел на назначение в Пекин нового посла – бывшего предпринимателя К. Рэндта. Таким образом США внушали пекинским властям мысль о том, что считают приоритетными в своих отношениях с Китаем торговлю и инвестиции [2, с. 156]. В конце июля состоялся визит в КНР К. Пауэлла, положивший начало так называемому «этапу улыбок» в американо-китайских отношениях. Госсекретарь охарактеризовал итоги своих встреч с пекинским руководством как «весьма продуктивные», хотя и признал наличие ряда «нерешенных вопросов», в том числе в области соблюдения режима нераспространения ОМУ [4, с. 204]. В частности, он подчеркнул, что США не будут характеризовать Китай ни как «стратегического партнера», ни как «стратегического соперника» [7, с. 96]. А 30 июля 2001 г. в американском посольстве в Канберре К. Пауэлл и Д. Рамсфельд сделали заявление о том, что Соединенные Штаты не будут использовать термин «стратегический соперник» для характеристики КНР [7, с. 96].

Таким образом, с лета 2001 г. подходы Вашингтона к Китаю постепенно стали меняться. Существует мнение, что смягчение американской позиции во многом произошло благодаря усилиям Дж. Буша-ст., оставшегося убежденным сторонником дружественных отношений между странами [4, с. 203].

В то же время Д. Рамсфельд акцентировал внимание на намерении КНР увеличить производство ракет. Поэтому США должны были защитить себя путем развертывания ПРО ТВД

в Восточной Азии [2, с. 149]. На это в июне 2001 г. обращал внимание и председатель сенатского комитета по иностранным делам сенатор Дж. Байден, который заявил, что КНР буквально в течение нескольких лет увеличит количество своих МБР с 24 до 300–400 носителей [11, с. 475].

Приняв решение о выходе из Договора по ПРО и создании системы противоракетной обороны, американская сторона в октябре 2001 г. планировала провести двусторонние консультации, в ходе которых рассчитывала убедить китайцев, что американская НПРО пойдет на пользу стабильности в Азии и мире в целом. Следует отметить, что неоконсерваторы в администрации Дж. Буша-мл. считали, что размещение системы ПРО в Восточной Азии является жизненно необходимым фактором для обеспечения безопасности США в этом регионе. В частности, активными сторонниками размещения элементов ПРО в Восточной Азии были Р. Армитидж и П. Вулфовиц [2, с. 65].

Такие планы Вашингтона вызвали протест со стороны Пекина. Суть проблемы заключалась в том, что власти США не делали различий в трактовке понятий «национальная ПРО», предназначенная для защиты собственно американской территории, и «ПРО ТВД», предназначение которой состоит в защите союзников Америки в разных частях мира. А вот Пекин их четко разграничивал. Если китайское руководство не имело ничего против НПРО, то в отношении ПРО ТВД в Восточной Азии оно занимало для США крайне отрицательную позицию [2, с. 61]. Однако, несмотря на это администрация Дж. Буша-мл. приступила к размещению элементов системы ПРО ТВД в регионе [2, с. 64].

Таким образом, уже летом 2001 г. американские власти признали, что политика сдерживания КНР стала малоэффективной и поэтому акценты были перенесены на политику вовлечения. Тем более, что вскоре основополагающим фактором во внешней политике США стала борьба с международным терроризмом, для которой требовались союзники и партнеры.

Фактор 11 сентября и его влияние на китайскую политику США

Сентябрьские теракты в США поспособствовали дальнейшему пересмотру китайской политики Вашингтона в сторону улучшения взаимоотношений. После трагических событий в американской внешней политике в от-

ношении Китая возобладал подход К. Пауэлла, который и лег в основу китайской политики республиканской администрации. Его принял не только президент Дж. Буш-мл., но даже вице-президент Р. Чейни [4, с. 205]. Правда, страхи, связанные с возвышением КНР, полностью из умов американского истеблишмента не исчезли. Например, 30 сентября 2001 г. в одном из официальных документов было сказано о вероятной возможности противостояния с Китаем в Восточной Азии. Однако, в целом настроения в Вашингтоне относительно Китая в постсентябрьский период заметно отличались от настроений полугодичной давности.

Известно, что уже ночью 11 сентября Цзян Цзэминь направил Дж. Бушу-мл. послание, в котором говорилось об осуждении террористических атак и желании расширить двустороннее сотрудничество [12, с. 525]. Это же китайский лидер подтвердил и на следующий день в телефонном разговоре с президентом США [7, с. 96–97].

20–21 сентября 2001 г. состоялся визит в Вашингтон министра иностранных дел Китая Тан Цзясюаня, в ходе которого были достигнуты договоренности об антитеррористическом сотрудничестве двух стран. Стороны договорились об обмене разведывательной информацией по террористам и включении в список террористических организаций Фронта освобождения Восточного Туркестана, угрожающего стабильности северо-западных районов КНР [7, с. 96].

Несмотря на отмененное турне по странам Восточной Азии в связи с сентябрьскими терактами, в октябре 2001 г. Дж. Буш-мл. все же принял участие в саммите АТЭС в Шанхае. 19 октября во время первой личной встречи американского президента с председателем КНР Цзян Цзэминем было достигнуто соглашение о развитии конструктивного сотрудничества между двумя странами [7, с. 97]. Американский президент также подчеркнул, что будет способствовать скорейшему вступлению КНР в ВТО [2, с. 217]. В ходе переговоров стороны обменялись мнениями по проблеме борьбы с международным терроризмом, по ситуации на Корейском полуострове и в АТР в целом, а существующие между странами противоречия были упомянуты лишь вскользь. Другими словами лидерам двух стран не удалось существенно продвинуться ни по одному проблемному вопросу двусторонних отношений [6, с. 160].

В целом, Вашингтон был удовлетворен позицией Пекина по вопросу борьбы с международным терроризмом, когда эта проблема оказалась ведущей в повестке дня для Америки. Импонировал американцам и китайский подход к ситуации в Афганистане. Правда, Соединенным Штатам не понравилась реакция китайского руководства на расширение американского присутствия в Центральной Азии. Известно, что Пекин выразил обеспокоенность в связи с появлением американских военных баз в этом регионе, небезосновательно считая, что борьба с международным терроризмом стала лишь предлогом для решения Америкой своих геополитических задач в мире, в том числе и за счет ущемления интересов КНР [4, с. 206]. Тем не менее, в феврале 2002 г., выступая на слушаниях в Конгрессе, госсекретарь К. Пауэлл достаточно высоко оценил дипломатическую поддержку, оказанную Пекином Вашингтону после 11 сентября [13, с. 102]. В своем выступлении он озвучил новую политику США на китайском направлении, которая получила название «политики трех С» (от англ. candid – «открытая», constructive – «конструктивная», cooperative – «согласованная»), которая, по его словам, лучше отвечала вызовам времени, нежели прежний курс. Правда, это не означало, что Вашингтон отказался от элементов сдерживания Китая [2, с. 217].

Итогом нормализации двусторонних отношений стал и рабочий визит президента Дж. Буша-мл. в Китай 21–22 февраля 2002 г., в ходе которого в очередной раз было подтверждено, что США и КНР не просто испытывают острую необходимость друг в друге, а фактически стали торгово-экономическими «заложниками» друг друга. Однако главной темой переговоров стали «не торгово-экономические проблемы, которые в целом находили решение, а поиск взаимоприемлемых подходов к реализации глобальных и региональных стратегических задач, представляющих обоюдный интерес, и выстраивание на этой основе модели двустороннего поведения, которую стороны охарактеризовали как «отношения конструктивного сотрудничества» [4, с. 209]. Президент США с подчеркнутым уважением назвал КНР региональной сверхдержавой и отметил важность для Америки сотрудничества с ней [2, с. 217]. Однако при этом Дж. Буш-мл. высказал недовольство продолжающимся экспортом китайских ракетных технологий в нарушение достигнутого

в ноябре 2000 г. между Вашингтоном и Пекином двустороннего соглашения о том, что КНР обязуется не экспортировать ракеты, способные нести ядерные боезаряды, и соответствующие технологии для их производства. Американский президент обратил внимание также и на вопросы обеспечения свободы вероисповедания в Китае. Что касается тайваньской проблемы, то вопреки ожиданиям китайского руководства получить уступки на этом направлении в ответ на участие КНР в антитеррористической кампании, Дж. Буш-мл. предпочел не акцентировать внимание на том, что Америка выступает против независимости острова [6, с. 160–161]. Он лишь несколько смягчил свои прежние жесткие формулировки о «защите острова любой ценой», признал приоритет мирного диалога в решении тайваньского вопроса, подтвердил приверженность республиканской администрации политике «одного Китая», но при этом не отказался от данных ранее обязательств защищать Тайвань и продолжать поставки Тайбэю вооружений. Поэтому, по мнению многих экспертов, отсутствие официальных итоговых документов, обтекаемые формулировки в отношении достигнутых договоренностей, перенос решения многих проблем на будущее характеризовало данный визит как «не принесший реальных результатов» [4, с. 210].

Тем не менее, после 11 сентября Вашингтон существенно скорректировал свою политику в отношении Тайваня. Можно согласиться с мнением о том, что, нуждаясь в поддержке КНР для борьбы с терроризмом, администрация Дж. Буша-мл. пошла на сближение с Пекином в ущерб американо-тайваньским отношениям [8, с. 202]. Тем более, что сами тайваньские власти нередко давали Вашингтону повод быть недовольными действиями Тайбэя. Поэтому даже известный неоконсерватор П. Вулфовиц в своих публичных выступлениях в мае 2002 г. неоднократно подчеркивал, что у американской администрации нет намерения изменять статус-кво в Тайваньском проливе [8, с. 204].

В ходе посещения Дж. Бушем-мл. Китая стороны договорились о предстоящих в 2002 г. визитах китайских руководителей в Соединенные Штаты. В итоге, 27 апреля – 3 мая 2002 г. состоялся официальный визит в США заместителя председателя КНР Ху Цзиньтао [4, с. 210]. Правда, события, случившиеся в марте 2002 г., чуть было не сорвали этот визит. Дело в том, что в это время во Флориде в

ходе организованной Американско-тайваньским торговым советом конференции по стратегическим вопросам произошла неформальная встреча заместителя министра обороны П. Вулфовица с министром обороны Тайваня Тан Яомином. Она усилила подозрения Пекина относительно расширяющихся масштабов военного сотрудничества США и Тайваня. Китайский МИД выразил категорический протест Вашингтону, запретил на какое-то время американским военным кораблям заходить в порт Гонконга. Однако в конечном итоге Ху Цзиньтао все же прибыл в США, где встретился с Дж. Бушем-мл., Р. Чейни и Д. Рамсфельдом. Приглашение Ху Цзиньтао в Пентагон свидетельствовало о крайней заинтересованности Соединенных Штатов в возобновлении и укреплении между двумя странами военных связей [8, с. 203–204].

Тем временем в Конгрессе по-прежнему были очень сильны антикитайские настроения. В обнародованном в июле 2002 г. Докладе комиссии Конгресса по проблемам национальной безопасности на китайском направлении Китай назывался не только потенциальным военным и экономическим соперником США, но и объектом американского ядерного удара в случае попытки Пекина использовать силу для изменения статус-кво в Тайваньском проливе. Примечательно, что впервые американские законодатели, а не только военные, назвали КНР «объектом потенциальной ядерной атаки» [2, с. 140–141].

Несмотря на антикитайскую позицию Конгресса администрация, занятая борьбой с международным терроризмом, была заинтересована в улучшении отношений с КНР. Осенью 2002 г. Вашингтон пошел навстречу Пекину и внес в официальный список террористических организаций Фронт освобождения Восточного Туркестана, а все его американские счета заморозил. КНР с благодарностью восприняла это решение Соединенных Штатов, в то время как ряд западных экспертов расценили его как прагматический ход американского руководства [6, с. 162].

В таком же ключе можно трактовать и переговоры лидеров двух стран во время совершенного 22–25 октября 2002 г. рабочего визита в США председателя КНР Цзян Цзэминя. Встреча лидеров прошла на семейном ранчо президента в Техасе, куда приглашались только близкие Дж. Бушу-мл. иностранные гости. Особое отношение к китайскому лидеру было продиктовано желанием американ-

ского руководства не только продемонстрировать уважение к уходящему с поста председателю КНР Цзян Цзэминю, но и необходимостью заручиться поддержкой Пекина в выдвинутых американцами международных инициативах. На повестке дня переговоров основными вопросами стали проблемные ситуации вокруг Северной Кореи и Ирака. Вашингтону было крайне важно заручиться поддержкой Китая, имевшего влияние на Пхеньян, для решения северокорейской ядерной проблемы. И хотя на октябрьском саммите Цзян Цзэминь не дал Дж. Бушу-мл. никаких обязательств оказать давление на КНДР, но подчеркнул значимость сохранения безъядерного статуса Корейского полуострова и готовность продолжать консультации с американской стороной с целью решения данной проблемы [6, с. 163–164].

По иракскому вопросу в ходе прошедшей встречи обе стороны пришли к мнению о необходимости строгого выполнения Ираком принятых СБ ООН резолюций. Кроме того, Дж. Буш-мл. выразил надежду на то, что Пекин поддержит новую резолюцию, предписывающую Ираку ликвидировать ОМУ. В итоге в ноябре 2002 г. Пекин проголосовал за принятие резолюции № 1441, требовавшей от Багдада полного уничтожения ОМУ и прекращения его разработок [6, с. 164].

В процессе октябрьской встречи лидеров США и Китая стороны договорились о проведении регулярных американско-китайских форумов по безопасности на уровне заместителей министров с особым акцентом на вопросах нераспространения ОМУ [6, с. 164]. Можно отметить, что на переговорах Дж. Буша-мл. и Цзян Цзэминя в октябре 2002 г. наметился настоящий прорыв в двусторонних отношениях. В частности, президент США опроверг слухи о том, что рано или поздно Америка признает независимость Тайваня, и вновь подтвердил, что по-прежнему придерживается принципа «одного Китая» [4, с. 211].

В целом, 2002 г. ознаменовался дальнейшим сближением США и КНР. В соответствии с достигнутыми договоренностями, в декабре 2002 г. после двухлетнего перерыва возобновились двусторонние военные обмены на высшем уровне. В декабре также прошли американско-китайские переговоры по проблеме соблюдения прав человека. Считается, что восстановление между Вашингтоном и Пекином официального диалога стало возможным в результате выполнения китайской стороной

американского требования, состоявшего в освобождении ряда политзаключенных [6, с. 164].

Администрация Соединенных Штатов отошла от практиковавшегося американскими лидерами ранее подхода к проблеме прав человека в Китае. Отныне американское руководство было склонно рассматривать отдельно взятые вопросы на основе избирательного подхода. В отдельных случаях, основываясь на общих принципах защиты прав человека, религиозных и гражданских свобод, Вашингтону удавалось оказывать весьма ощутимое давление на Пекин. Так, в декабре 2002 г. из китайской тюрьмы был освобожден соучредитель Демократической партии КНР Сюй Вэньли [13, с. 104].

Весной 2003 г. администрация Дж. Буша-мл. отказалась от решения инициировать, как это делалось ранее, резолюцию по правам человека в Китае на очередной апрельской сессии Комиссии ООН в Женеве, несмотря на опубликованный госдепартаментом доклад о существенных нарушениях прав человека в КНР в 2002 г. [6, с. 167].

Следует отметить, что антикитайское лобби в Конгрессе постоянно подвергалось острой критике администрацию Дж. Буша-мл. за двойные стандарты и непоследовательность в вопросе прав человека в КНР. В результате в качестве компромиссного варианта была создана специальная Комиссия по китайской правовой проблематике, состоящая из представителей как исполнительной, так и законодательной власти. Первым и при этом весьма раздражающим пекинское руководство шагом данной комиссии стало создание «Базы данных по политическим заключенным в Китае» [13, с. 104].

Таким образом, перенос Вашингтоном во внешней политике акцентов на борьбу с международным терроризмом привел к более благоприятному отношению администрации США к КНР, несмотря на ряд имевшихся разногласий.

Влияние имперских притязаний Вашингтона на американско-китайские отношения

Проявившаяся в 2002 г. готовность США идти на сближение с КНР в силу имевшихся общих интересов все же имела и свои пределы. В первую очередь это было связано с нарастанием противоречий по ряду актуальных проблем мировой политики. Среди них можно назвать северокорейскую ядерную проблему, ситуацию вокруг Ирака, усиление влияния Китая в Юго-Восточной Азии и Центральной

Азии. Кроме того, существовали и противоречия, касающиеся тайваньской проблемы, а также политической, военной, экономической сфер взаимоотношений.

Несмотря на то, что по северокорейской ядерной проблеме США и КНР разделяли общую уверенность в необходимости сохранения Корейского полуострова в качестве безъядерной зоны, по вопросу серьезности создавшейся ситуации и путях ее разрешения единства мнений между ними не было. Пекинское руководство достаточно скептически относилось к утверждению Вашингтона, что Пхеньян уже обладает ядерным оружием. Поэтому в начале 2003 г. по мере того, как напряженность вокруг северокорейской проблемы увеличивалась, росло и недовольство Вашингтона по поводу бездействия Пекина в деле предупреждения превращения проблемы в полномасштабный кризис [6, с. 165–166].

Однако в конце апреля 2003 г., благодаря активной позиции пекинского руководства, выступившего с инициативой проведения трехсторонней встречи, а также убедившего Пхеньян принять в ней участие, состоялись переговоры США, КНР и КНДР по северокорейской ядерной проблеме. В Соединенных Штатах активность Пекина была оценена по достоинству. Официальные лица США были удовлетворены высокой значимостью активного включения КНР в процесс урегулирования данной проблемы [6, с. 165–166]. Следует отметить, что на протяжении всего 2003 г. северокорейская ядерная проблема являлась центральной в американско-китайском взаимодействии. По этой причине в это время существенно возросло количество двусторонних визитов на разных уровнях, а также увеличилась интенсивность контактов на высшем уровне [6, с. 167]. Правда, окончательно согласовать свои позиции по этому вопросу сторонам так и не удалось.

Определенное воздействие на американско-китайские отношения оказала и ситуация по иракскому вопросу. Как известно, Китай выступал против использования силы в отношении Ирака. Однако КНР оказалась настроена заметно менее конфронтационно в отношении Соединенных Штатов в ООН, нежели, например, Франция, Германия и Россия [12, с. 525].

18 марта 2003 г. Дж. Буш-мл. позвонил недавно избранному председателю КНР Ху Цзиньтао и, поздравив его, высказался за дальнейшее развитие конструктивного партнерства. Китайский лидер с ним согласился.

Другими словами, стороны продемонстрировали всему миру, что иракский кризис не сказался на отношениях между США и КНР. Несколькими днями позже китайские представители заявили, что ситуация вокруг Ирака не помешает запланированному на 19–20 апреля визиту Р. Чейни в Китай. Правда, визит вице-президента США в конечном итоге был отложен, но сделано это было тихо, без излишней огласки.

После того как 20 марта 2003 г. началась военная операция США с целью свержения режима С. Хусейна, пекинское руководство выступило с рядом официальных заявлений, в которых выражалась глубокая озабоченность ходом развития событий в Ираке. Пекин призывал прекратить военную кампанию и сесть за стол переговоров [6, с. 166].

Однако, хотя Китай и выступил против американской военной операции в Ираке, сделал он это более сдержанно, нежели Россия, Франция и Германия. Поэтому в принятой в конце марта резолюции палаты представителей Конгресса США относительно послевоенного восстановления Ирака, в которой российским, немецким, французским и сирийским компаниям было отказано в праве получения подрядов, китайские компании упомянуты не были.

Гораздо более серьезной проблемой в американо-китайских отношениях была проблема ПРО. В декабре 2002 г. администрация Дж. Буша-мл. объявила о своих планах развертывания систем ПРО в Восточной Азии, оправдывая данный шаг необходимостью перехвата северокорейских ракет [2, с. 55]. Однако истинная причина ее развертывания – это намерение Соединенных Штатов обеспечить стратегическое превосходство над КНР и Россией в зоне своего влияния в АТР [2, с. 57]. Тем более, что еще в декабре 2001 г. в одном из докладов ЦРУ подчеркивалось, что КНР потенциально способна подвергнуть территорию США ракетной атаке.

Правда, открыто официальный Вашингтон избегал говорить об угрозе нападения со стороны Китая. Однако некоторые американские политики (например, выступление 19 марта 2003 г. сенатора Л. Ворцзеля в сенатском комитете по внешней политике) открыто указывали на необходимость развертывания ПРО в Восточной Азии в целях нейтрализации наступательной мощи КНР [2, с. 61]. Правда, следует отметить, что далеко не все страны региона безоговорочно поддерживали планы

Вашингтона. Многие небезосновательно считали, что это может привести к накалению атмосферы в АТР и развертыванию ненужной гонки вооружений. Из всех союзников Вашингтона наиболее определенной и последовательной в отношении данных планов была позиция Тайваня, который получал самые большие выгоды от наличия в регионе американской системы ПРО [2, с. 59].

Поддержание баланса сил являлось основной стратегической целью США в АТР. В годы первого президентства Дж. Буша-мл. Вашингтон продолжил классическую стратегию укрепления двусторонних отношений со своими союзниками в АТР [2, с. 87]. После начала стремительного подъема Китая укрепление военных союзов в регионе под своей эгидой рассматривалось республиканской администрацией в качестве ключевого момента, способствующего сохранению США здесь своего контроля и доминирования [2, с. 43]. В первую очередь Вашингтон рассчитывал на тесное сотрудничество с Японией, Южной Кореей, Тайванем, Филиппинами, Сингапуром, Индонезией, Таиландом, Австралией и даже Вьетнамом, которые потенциально могли бы играть роль противовеса Пекину в АТР.

Можно согласиться с мнением о том, что, расширяя американо-китайское сотрудничество, Вашингтон преследовал цель отвлечь Пекин от сближения с другими державами, особенно с Россией [2, с. 209]. В российско-китайском союзе Соединенные Штаты небезосновательно усматривали антиамериканскую направленность, поскольку и Москва, и Пекин выступали против американской гегемонии в мире на основе совпадающих геополитических интересов. По словам Зб. Бжезинского, внешнеполитические курсы Пекина и Москвы по самым актуальным вопросам мировой политики ближе друг к другу, нежели каждого из них к Вашингтону [14, с. 148]. При этом американские власти были заинтересованы в проведении Китаем активной экспансионистской политики на российском Дальнем Востоке, исходя из того, что данный регион нуждается в притоке китайского капитала и китайских трудовых мигрантов [2, с. 113].

Особо следует сказать о развитии отношений США с Тайванем. Наибольшую активность в углублении американо-тайваньского сотрудничества проявил Пентагон. Во многом это была инициатива неоконсерваторов, пытавшихся использовать представившийся им шанс в целях укрепления позиций Америки в

мире. Среди них в первую очередь следует назвать П. Вулфовица, выступавшего за интенсификацию американо-тайваньского военного сотрудничества. Вашингтон, втягивая Тайбэй в сферу военно-технического сотрудничества, преследовал цели устрашения КНР. К тому же Пентагон получал немалые выгоды от продажи современной техники [2, с. 60]. Во время официального визита в США 7–10 декабря 2003 г. премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао Дж. Буш-мл. подтвердил приверженность трем коммюнике [12, с. 525]. Кроме того, он сделал неожиданное заявление о том, что односторонние действия президента Тайваня Чэнь Шуйбяня идут вразрез с мнением Вашингтона относительно сохранения статус-кво в Тайваньском проливе [13, с. 103]. Это высказывание президента США стало самым сильным публичным упреком в адрес тайваньского лидера и отразило растущее недовольство американского руководства дестабилизирующими в Тайваньском проливе инициативами Чэнь Шуйбяня [6, с. 169]. Таким образом, с декабря 2003 г. Вашингтон фактически начал сотрудничать с Пекином по сдерживанию попыток Чэнь Шуйбяня по нарушению статус-кво в Тайваньском проливе путем проведения общенародного референдума по вопросу о статусе Тайваня [15]. Вашингтон дал понять как Пекину, так и Тайбэю, что если кто-либо из них нарушит стабильность в регионе, то это автоматически будет означать ухудшение их отношений с США [16, р. 57].

Поэтому Вашингтон и Пекин в целях стабилизации ситуации в Тайваньском проливе стали координировать позиции по отношению к правительству Тайваня, пытаясь сдерживать его порывы к «независимости». В то же время в США посчитали, что принятый в конце декабря 2004 г. в КНР «Закон о предотвращении раскола страны», не исключающий возможности применения силы для воссоединения острова с материком, не способствует поддержанию мира и стабильности в регионе.

Не вызывает сомнений, что США не были заинтересованы в возвращении Тайваня в лоно Китая, поскольку это нанесло бы ощутимый удар по стратегическим интересам Соединенных Штатов в Восточной Азии и существенно повысило бы потенциал КНР. В США были убеждены, что, укрепляя военный потенциал Тайваня, Вашингтон укрепляет свои позиции в переговорах с Пекином [2, с. 193].

Так, в середине мая 2004 г. США стали активно продвигать идею участия Тайваня в статусе наблюдателя во Всемирной ассамблее

здравоохранения. Было также озвучено намерение Вашингтона оказать поддержку Тайбэю в обретении статуса наблюдателя в Организации американских государств. Кроме того, все отчетливее стали проступать черты активизации военного сотрудничества между США и Тайванем. Например, в конце марта 2004 г. Пентагон объявил о своих планах продажи Тайбэю радаров дальнего действия раннего предупреждения. Значительно возросло количество взаимных визитов американских и тайваньских высокопоставленных военных и должностных лиц министерств обороны [6, с. 170]. Данные действия Америки вызвали сильное раздражение Пекина, что не преминуло отразиться на двусторонних отношениях.

Администрация Буша-мл. предприняла ряд шагов в сторону улучшения отношений с Индией. С самого начала Дж. Буш-мл. видел в Индии союзника в решении ряда геополитических задач [17, с. 334]. Вашингтон принял одностороннее решение отказаться от противодействия индийской ядерной программе, не требуя от Дели принятия Договора о нераспространении ядерного оружия. Американская администрация мотивировала свои действия желанием создать более действенную коалицию для борьбы с исламским терроризмом, но тем самым подорвала усилия международного сообщества, направленные на борьбу с распространением ОМУ [14, с. 149]. Неудивительно, что после таких действий США Пекин стал рассматривать обвинения Вашингтона в свой адрес в нарушение режима нераспространения ОМУ как надуманные и предвзятые.

В рамках стратегии сдерживания США попытались окружить КНР кольцом американских баз. Поэтому одной из задач американской политики в Центральной Азии стало осуществление стратегии военно-политического окружения КНР [17, с. 199].

Кроме того, Вашингтон предпринял ряд попыток скоординировать свою стратегию сдерживания с Европой. Для этого активно использовались спекуляции на европейско-китайских экономических противоречиях [17, с. 323]. Следует сказать и о действиях Вашингтона по противодействию попыткам ЕС снять запрет на торговлю оружием с КНР. Так, в мае 2004 г. Конгресс принял «Акт о национальной обороне», который содержал положения о применении санкций против зарубежных компаний и лиц, которые будут поставлять военные технологии Китаю.

В итоге Европа, которая сама зависима от импорта высокотехнологичных компонентов с США, была вынуждена продлить эмбарго на продажу вооружений КНР [18, с. 316]. Несмотря на это ЕС сумел найти определенные ниши для сотрудничества с Китаем в других весьма важных для обеих сторон сферах.

При этом следует отметить, что растущая мощь КНР помогла Соединенным Штатам оправдать присутствие своих сил передового базирования в регионе, сохранить имеющихся здесь союзников и привлечь новых стратегических партнеров. Поэтому возвышение Китая в дипломатическом плане стало благом для Вашингтона, поскольку позволило укрепить и расширить соглашения по безопасности в АТР.

Не исчезла с повестки дня американо-китайских отношений и проблема прав человека в Китае. В 2004 г. Вашингтон снова достаточно жестко подошел к ней. Так, в начале года было обнародовано намерение США представить резолюцию о положении с правами человека в КНР на очередной сессии Комиссии по правам человека ООН, запланированной на 15 марта – 23 апреля 2004 г. Американцы обосновали свою позицию невыполнением со стороны Китая взятых на себя в ходе американо-китайских переговоров по правам человека в декабре 2002 г. обязательств, а также заявленных в 2003 г. намерений о расширении сотрудничества в области прав человека [6, с. 170–171].

Американские власти всячески поощряли процесс демократизации китайского общества. Однако порой на этом направлении Вашингтон встречал существенные трудности. Например, попытки США изменить систему судебного наказания в КНР путем улучшения условий содержания заключенных в лагерях и тюрьмах, отказа от пыток в тюрьмах и т.д. Однако Пекин незамедлительно истолковал такое давление со стороны США как вмешательство во внутренние дела суверенного государства [2, с. 247].

В ответ на действия США Пекин в конце мая 2004 г. предпринял беспрецедентные усилия в Совете Безопасности ООН по ограничению американского присутствия в Ираке. А накануне третьего раунда шестисторонних переговоров по северокорейской ядерной проблеме Китай раскритиковал бескомпромиссную политику Америки в отношении КНДР [6, с. 171].

С середины 2004 г. обострились американо-китайские противоречия в вопросе урегу-

лирования региональных конфликтов. В частности, КНР не поддержала выдвинутых США в СБ ООН резолюций относительно введения санкций в отношении Судана, охарактеризовав их как усугубляющие и без того сложную ситуацию в Дарфуре [6, с. 172].

Американская администрация называла свою китайскую политику «сбалансированной». Наряду с элементами сотрудничества она подразумевала наличие сильных раздражителей для пекинского руководства, которые побуждали бы Китай охотнее подчиняться давлению Соединенных Штатов [2, с. 213]. Так, комиссии Конгресса ежегодно публиковали отчеты слушаний по вопросам защиты окружающей среды, борьбы китайских властей со СПИДом, состояния религиозных свобод, нарушений КНР правил ВТО и т.д. [2, с. 248].

Все дело в том, что, как заявил в сентябре 2003 г. К. Пауэлл, повышение глобальной роли Китая выгодно США до тех пор, пока он проводит политику глобальной ответственности, которая совпадает с американскими интересами в мире [2, с. 235].

Несмотря на существовавшие противоречия руководство Соединенных Штатов продолжило осуществлять контакты с китайскими представителями, что свидетельствовало о сочетании стратегии сдерживания со стратегией вовлечения. Новые встречи Дж. Буш-мл. с новым лидером КНР Ху Цзиньтао, состоявшийся в апреле 2004 г. визит вице-президента США Р. Чейни в Пекин, а также визит 8–9 июля 2004 г. советника президента США по национальной безопасности К. Райс в Китай подтвердили наметившуюся в двусторонних отношениях линию, хотя и не сумели снять имевшиеся между Америкой и Китаем разногласия [4, с. 211]. В первую очередь американская сторона постаралась вновь заверить Пекин, что Соединенные Штаты придерживаются политики «одного Китая» и выступают против нарушения статус-кво в проливе. Но при этом Вашингтон отказался прекратить продажи американских вооружений Тайбэю, мотивируя свое решение смещением военного баланса сил в Тайваньском проливе в пользу КНР [6, с. 171].

На саммите АТЭС в 2004 г. Дж. Буш-мл. согласился с предложением Ху Цзиньтао запустить механизм общеполитического диалога на высоком уровне по актуальным глобальным и региональным проблемам [7, с. 114]. Ведение Соединенными Штатами сра-

зу двух войн – в Афганистане и Ираке – вынудило руководство страны активизировать свои действия по вовлечению Китая в глобальную систему международных отношений, главная роль в которой принадлежала Вашингтону.

Нельзя не отметить, что проводимая Америкой политика приносила свои плоды. В какой-то мере политическое сотрудничество США с КНР способствовало разложению идеологического фундамента властной элиты КПК. Вашингтон смог добиться того, что внутри китайского руководства стала раздаваться критика в адрес тех в политическом истеблишменте, кто выступал за сдерживание процессов политических реформ в стране [2, с. 238].

Состоявшиеся в ноябре 2004 г. президентские выборы в США, на которых победу вновь одержал Дж. Буш-мл., свидетельствовали о сохранении заданного курса китайской политики Вашингтона. В ряду существующих двусторонних противоречий на первом плане оставалась тайваньская проблема, вопросы ПРО и нераспространения ОМУ. Что касалось правозащитной проблематики и противоречий в торгово-экономической сфере, то они были на втором плане внешней политики Соединенных Штатов в отношении КНР [6, с. 172].

Таким образом, в контексте стратегии США на установление мирового господства проявились существовавшие противоречия в американо-китайских отношениях. Однако, считая приоритетным борьбу с терроризмом, Вашингтон особо не шел на их обострение, зачастую делая упор на сотрудничество.

Экономическое сотрудничество как элемент американской стратегии вовлечения Китая

Наряду с попытками Вашингтона вовлечь Пекин в глобальную систему международных отношений под эгидой США в сфере безопасности, важным элементом американской стратегии вовлечения КНР стало экономическое сотрудничество двух стран.

Следует отметить, что в 2001–2005 гг. наблюдалась тенденция весьма динамичного развития торгово-экономических отношений между США и Китаем. Быстро расширяющиеся связи, а также возрастающая роль Китая в регионе и мире побудили администрацию Дж. Буша-мл. содействовать принятию этой страны в ВТО. После чего 27 декабря 2001 г. президент США подписал указ, официально объявив о предоставлении Китаю

режима нормальных торговых отношений на постоянной основе с 1 января 2002 г. [8, с. 201]. В официальном заявлении Белого дома решение президента, ставшее возможным после официального вступления КНР в ВТО в 2001 г., было названо «последним шагом в нормализации американо-китайских отношений и приглашением КНР в международную торговую систему» [4, с. 208].

В результате к концу первого президентского срока Дж. Буша-мл. КНР стала третьим по важности торговым партнером Америки. Так, в 2004 г. товарооборот составил порядка 232 млрд долл. при торговом дефиците для США в 162 млрд долл. [13, с. 104].

В этот период наблюдался не только рост товарооборота, но продолжался и рост американских прямых инвестиций в экономику КНР. Так, если в 2001 г. они составили 7,5 млрд долл., то в 2004 г. – уже 12,2 млрд долл. [19, с. 119]. При этом в развитии сотрудничества были заинтересованы обе стороны. Например, в Пекине четко понимали, что приток иностранных инвестиций и передовых технологий, а также доступ китайского экспорта на американский рынок напрямую зависят от стабильных и мирных отношений с США [2, с. 92]. Создаваемые Пекином благоприятные условия для ведения бизнеса в стране способствовали тому, что в начале XXI в. целый ряд американских компаний перебрались в Китай. Только за первый квартал 2004 г. это сделало 58 американских фирм [20, р. 273].

По мере углубления экономических отношений происходила и дальнейшая институционализация двусторонних связей. В 2003 г. начал свою работу Американо-китайский диалог по экономическому развитию и реформам между госдепартаментом США и государственной комиссией по делам развития и реформ КНР [7, с. 111]. Во время визита в США в декабре 2003 г. премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао Дж. Буш-мл. согласился с пятью принципами обеспечения устойчивого развития торгово-экономических отношений между двумя странами, выдвинутыми китайской стороной.

В 2004 г. начались заседания Диалога по энергетической политике между министерством энергетики США и государственной комиссией по делам развития и реформ КНР, а также была достигнута договоренность о проведении раз в два года саммитов по безопасности потребительских товаров [7, с. 111].

В целом, можно отметить, что Вашингтон пытался вовлечь Китай в процессы междуна-

родного экономического обмена для получения дополнительных рычагов воздействия на внешнеполитическое поведение Пекина.

Однако, как и в политической сфере, экономическое сотрудничество США и КНР также было наполнено рядом нерешенных проблем и противоречий. Среди основных претензий Вашингтона в адрес Пекина в области экономического сотрудничества необходимо назвать недовольство Соединенных Штатов заниженным курсом юаня и невыполнением китайскими властями всех требований ВТО; неудовлетворенность безопасностью и качеством китайских потребительских товаров; несоблюдение в Китае авторских прав и т.д.

Хватало в сфере экономических взаимоотношений и проблем политического характера, инициируемых американской стороной. Так, негативное воздействие на торгово-экономические отношения США и Китая оказывала американская политика санкций в целях давления на Пекин. Особую активность на этом направлении проявлял Конгресс США. В начале 2000-х гг. политика санкций в отношении КНР была связана, прежде всего, с работой Комиссии по расследованию влияния двусторонних американо-китайских торгово-экономических отношений на национальную безопасность США. Так, в 2002 г. был опубликован доклад, который содержал ряд предложений Конгресса, направленных на применение экономических санкций. В частности, предлагалось: обязать Комиссию по ценным бумагам требовать от компаний, размещающих свои активы в Америке, информацию об их деятельности в странах, против которых Соединенные Штаты применяют санкции; обязать Казначейство исследовать, не причастны ли китайские компании к распространению ОМУ или ракетных технологий, и передавать эту информацию инвесторам, а также в другие соответствующие структуры. Кроме того, предлагалось принять закон, которым запрещалось бы китайским компаниям, находящимся в «черном списке» госдепартамента, размещать свои бумаги на американском рынке. Правда, в конечном итоге данные рекомендации не были воплощены в жизнь [18, с. 308–309].

В январе 2002 г. президент Дж. Буш-мл. два раза отменял санкции для осуществления поставок в КНР контейнеров для боезарядов и оборудование для утилизации химического оружия на территории Китая. 24 сентября 2003 г. президент Дж. Буш-мл. в обход эмбар-

го дал разрешение на экспорт в Китай сенсоров QRS-11, которые использовались корпорацией «Боинг» [18, с. 307]. В администрации США стали понимать, что американские санкции способны породить в Китае общенациональное противостояние США, еще более усилить антиамериканизм в стране.

Тем не менее, в мае–июне 2003 г. Вашингтон ввел жесткие санкции в отношении пяти крупных государственных компаний Китая, работающих в сфере ВПК по причине обвинения их в продажах ракетных технологий Ирану [6, с. 167].

В 2000-х гг. одним из распространенных видов применения Соединенными Штатами санкций на ограничение инвестиций КНР в американскую экономику стало внесение отдельных китайских компаний, обвиненных в поддержке международного терроризма, в список госдепартамента. И наоборот, для ограничения экспорта двойных технологий через прямые американские инвестиции в КНР правительство США поручило государственным структурам выдавать инвесторам экспортные лицензии только в том случае, если госдепартамент подтвердит, что инвестиции не противоречат интересам национальной безопасности США [18, с. 310].

Вместе с тем можно констатировать, что применение финансово-экономических санкций в отношении КНР носило непоследовательный характер. Все дело в том, что в годы президентства Дж. Буша-мл. Вашингтон больше руководствовался прагматическими соображениями получения временных выгод от сближения с Пекином [2, с. 236]. Администрация Дж. Буша-мл. пришла к выводу о том, что подъем Китая неизбежен, но может быть управляемым со стороны Америки. Поэтому торгово-экономические отношения стали одним из важнейших элементов сотрудничества США и КНР.

Заключение. Таким образом, китайская политика США в период первого президентства Дж. Буша-мл. сочетала в себе как элементы вовлечения, так и сдерживания и имела зигзагообразный характер. В процессе ее формирования отчетливо проявились различия подходов к отношениям с КНР представителей исполнительной и законодательной ветвей власти в Америке. После проявления довольно жесткой линии республиканской администрации в отношении Китая в первые месяцы ее пребывания у власти последовал период нормализации двусторонних отношений. Постепенно они вышли на тот уро-

вень, который во второй половине 1990-х гг. поддерживала администрация Клинтона. С одной стороны, в связи со стремительным подъемом Китая Вашингтон был вынужден учитывать фактор его возвышения как потенциально-го соперника с чуждыми США идеологией, системой ценностей и моделью развития в региональном и глобальном масштабе, а с другой – набирающего вес партнера в политической, торгово-экономической, научно-образовательной и других сферах. Поэтому первая администрация Дж. Буша-мл. в своей китайской политике активно использовала элементы как жесткого (сдерживание), так и мягкого (вовлечение) подхода. При этом Конгресс США традиционно придерживался более жесткой линии в отношении КНР.

В целом, первой администрации Буша-мл. удалось наладить конструктивное сотрудничество с Пекином по ряду вопросов в различных сферах, но при этом Вашингтон не смог устранить все имевшиеся разногласия и противоречия из американо-китайских отношений по причине того, что США психологически трудно было вести диалог с КНР как с равным партнером.

Литература

1. Rice, C. Promoting the National Interest / C. Rice // Foreign Affairs. – 2000. – Vol. 79, № 1. – P. 45–62.
2. Крупянко, М.И. США и Восточная Азия. Борьба за «новый порядок» / М.И. Крупянко, Л.Г. Арешидзе. – М.: Международные отношения, 2010. – 448 с.
3. Blair, D. From Wheels to Webs: Reconstructing Asia-Pacific Security Arrangement / D. Blair, J. Hanley // Washington Quarterly. – 2001. – Vol. 24, № 1. – P. 7–17.
4. Давыдов, А.С. Идеология и прагматизм в китайской политике США: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / А.С. Давыдов; Ин-т Дальнего Востока РАН. – М., 2005. – 246 с.
5. Heller, P. Oracle bones: a journey between China's past and present / P. Heller. – New York: Harper, 2006. – 512 p.
6. Лексютина, Я.В. США и Китай: линии соперничества и противоречий / Я.В. Лексютина. – СПб.: СПбГУ, 2011. – 230 с.
7. Тимофеев, О.А. Американо-китайские отношения на современном этапе: события, процессы, тенденции / О.А. Тимофеев // Современный Китай в системе международных отношений / А.А. Киреев [и др.]; отв. ред. Д.В. Буяров. – М.: Либроком, 2013. – С. 82–127.
8. Лексютина, Я.В. Политика США по отношению к Тайваню в контексте американо-китайских отношений в начале XXI века / Я.В. Лексютина // Политэкс. – 2009. – Т. 5, № 1. – С. 197–220.
9. Levin, M.L. The next great clash: China and Russia vs. the United States / M.L. Levin. – Westport: Praeger Security International, 2008. – 216 p.
10. Lampton, D.M. Same Bed, Different Dreams: Managing U.S. – China Relations, 1989 – 2000 / D.M. Lampton. – Berkeley: University of California Press, 2001. – XIII+498 p.
11. Менгес, К. Китай: нарастающая угроза / К. Менгес. – М.: Изд-во «Независимая газета», 2006. – 608 с.
12. Киссинджер, Г. О Китае / Г. Киссинджер. – М.: Астрель, 2013. – 640 с.
13. Труш, С.М. Китайская политика администрации Буша: лидерство, противоборство, вовлечение / С.М. Труш // Проблемы лидерства во внешнеполитической деятельности США. Итоги первого срока администрации Буша / В.А. Кременюк [и др.]; отв. ред. Т.А. Шаклеина. – М.: Ин-т США и Канады РАН, 2005. – С. 97–110.
14. Бжезинский, Зб. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы / Зб. Бжезинский. – М.: Междунар. отношения, 2010. – 192 с.
15. Shambaugh, D. The US and China: Friends or Foes? – Part I / D. Shambaugh // YaleGlobal [Electronic resource]. – 2006. – 18 April. – Mode of access: <http://yaleglobal.yale.edu/content/us-and-china-friends-or-foes-part-i>. – Date of access: 27.04.2014.
16. Lieberthal, K. Preventing a War over Taiwan / K. Lieberthal // Foreign Affairs. – 2005. – Vol. 84, № 2. – P. 53–63.
17. Брутенц, К.Н. Закат американской гегемонии / К.Н. Брутенц. – М.: Междунар. отношения, 2009. – 512 с.
18. Седляр, Ю.О. Міжнародні санкції у світовій політиці: теорія і практика / Ю.О. Седляр. – Миколаїв: Чорноморський державний університет ім. П. Могили, 2013. – 412 с.
19. Тимофеев, О.А. Фактор США в нормализации российско-китайских отношений / О.А. Тимофеев // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы междунар. науч.-практ. конф., Благовещенск–Хэйхэ, 10–12 июня 2011 г. / отв. ред. Д.В. Буяров. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. – С. 116–122.
20. Fishman, T. China, Inc. How the Rise of the next Superpower Challenges America and the World / T. Fishman. – N.Y.: Scribner, 2005. – 368 p.

Поступила в редакцию 13.06.2014 г.

Принята в печать 21.07.2014 г.